Михайлова Александра Анатольевна

МОНАСТЫРЬ И СТАРЧЕСТВО КАК ИНДИКАТОР ДУХОВНОСТИ ГЕРОЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И И. С. ШМЕЛЕВА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/59.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 11 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 163-166. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

К примеру, если мы захотим перевести исследуемый нами текст на русский язык, нам неизбежно придется разъяснять или заменять названия немецких СМИ: Ich habe an einem Abend die ARD-Nachrichten gesehen, auch die Spatausgabe Tagesthemen (S. 39). В тот вечер я смотрел новости по одному из телеканалов, а позже расширенный вечерний выпуск программы «Темы дня».

Вместо подробного перевода названия телерадиокомпании и громоздкого словосочетания «объединение публично-правовых радиостанций», мы использовали обобщенное слово - телеканал.

Реалии «своей» страны - Германии, напротив, позволяют воспринимать текст как оригинал, в котором отражена местная действительность, т.е. текст кажется «своим», рассчитанным на категорию граждан, проживающих в Германии или хорошо знакомых с ее общественно-политическими явлениями, будь то названия политических должностей или высшего законодательного органа в Германии: die rechte Hand des Kanzlers (S. 18).

Heute haben wir uns im Deutschen Bundestag zusammengefunden, um hier im Parlament der Pogrome vom 9. November 1938 zu gedenken… (S. 11).

Или же это могут быть известные исторические события:

Jenninger hat gleich in den Anfangspassagen seiner Rede mit der durch das Wort “Reichskristallnacht” bis heute nahegelegten Vorstellung aufgeräumt, am 9. November 1938 sei in Deutschland nur Glas zu Bruch gegangen (S. 39); Reichskristallnacht - «хрустальная ночь» (под таким названием вошла в историю ночь массового уничтожения евреев в Германии); Im Sinne der Opfer von Auschwitz… (Auschwitz - нацистский лагерь Освенцим) (S. 41).

Соответствующие фоновые знания - залог правильной интерпретации текста, содержащего слова-реалии.

В современном мире, где невозможно обойтись без межкультурного общения на самых разных уровнях, любому человеку, вовлеченному в межкультурную коммуникацию и заинтересованному в ее эффективности, могут помочь эти знания, которые дают представление о культурном многообразии мира, отражающем наиболее отличительные и характерные признаки культуры того или иного народа.

Список использованной литературы

1. **Майданова Л. М.** Очерки по практической стилистике: для студентов-журналистов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 182 с.
2. **Маргарян А. А.** Коммуникативная функция и структура высказывания. Ташкент: Фан, 1988. 160 с.
3. **Персикова Т. Н.** Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учебное пособие. М.: Логос, 2002. 224 с.
4. **Смелкова З. С.** Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2002. 320 с.
5. **Топорова Т. В.** Культура в зеркале языка. М.: Высш. шк., 1996. 253 с.
6. **Цвиллинг М. Я.** Научная литература: язык, стиль, жанры. М.: Наука, 1985. 336 с.
7. **www.lingvoforum.ru**

Список источников иллюстративного материала

1. **Pöttker H.** Abgewehrte Vergangenheit. Beiträge zur deutschen Erinnerung an den Nationalsozialismus. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2005. 452 S.

МОНАСТЫРЬ И СТАРЧЕСТВО КАК ИНДИКАТОР ДУХОВНОСТИ ГЕРОЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И И. С. ШМЕЛЕВА

Михайлова Александра Анатольевна
Тамбовский государственный технический университет

Попытка показать монастырь как идеал духовной жизни, как пример иного, чем в светском обществе, построения человеческих отношений предпринималась в многочисленных литературных произведениях. Показать значимость монастыря в жизни русских людей в своих романах стремились Ф. М. Достоевский роман «Братья Карамазовы» и И. С. Шмелев (роман «Пути небесные»).

Монастыри у этих писателей изображены в нескольких штрихах: *«церковные и обыкновенные хозяйственные постройки, могильные камни около церкви»* [Достоевский, 1987, с. 35] у Достоевского, обитель *«с пятью сине-золотыми главками за колокольней»* [Шмелев, 2007, с. 108] у Шмелева. Символично, что авторы уделяют значительное внимание цветникам: прибывшие к старцу Зосиме Федор Павлович и Миусов видят *«множество редких и прекрасных цветов везде, где только можно было их насадить»* [Достоевский, 1987, с. 38], в комнате у игумена *«на окнах было много дорогих цветов»* [Там же, с. 88]; Виктор Алексеевич Вейденгаммер проходит *«мимо густо-пахучих цветников, полных петуний и резеды»* [Шмелев, 2007, с. 111]. Такое усиленное внимание к цветам не случайно. Взращенные человеческими руками, они служат знаком возможной красоты духа, напоминанием о красоте сотворенного Богом мира и человеческой души. Посетителям же монастыря эти нежные создания будто еще раз говорят о чистоте здешних обитателей и святости места.

И. С. Шмелев останавливается также на описании скромной одежды насельниц: *«белицы, во всем белом»*; *«в робких и затаенных взглядах из-под напущенных на глаза белых платков…белиц»* [Там же] - и на описании убранства храма: *«в голубых клубах ладана, в свете паникадил, в пыланье сотен свечей-налепок, в сверкающем золоте окладов…»* [Там же, с.123]; придел великомученицы Анастасии-Узорешительницы, где Даринька *«упала на колени перед сенью в цветных лампадах, перед маленькой, в серебре, гробничкой с главкой великомученицы»* [Там же, с. 172]. Не однажды Иван Сергеевич использует по отношению к этой обители эпитет «розовый». В данном случае это не только зрительное восприятие, это радостное состояние души Вейденгаммера, а еще и осознание того, что в монастыре царит атмосфера любви и чистоты.

Знаковыми являются описания монашеских келий. Подчеркнуты очень скромные бытовые условия: у старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» *«келья была очень необширная и какого-то вялого вида. Вещи и мебель были грубые, бедные и самые лишь необходимые»* [Достоевский, 1987, с. 39], у игумена *«убранство комнат также не отличалось особым комфортом… зато все блистало чистотой…»* [Там же, с. 88]. У матушки Агнии в «Путях небесных» посетителю запоминается только примечательные *«высокое окно в сад, наполовину завешенное полотняной шторой»* да *«большие образа и ширмы, и обвитая комнатным виноградом арка в другой покой»* [Шмелев, 2007, с. 112]. Простота обстановки формирует у человека отсутствие привязанности к земным вещам, что позволяет не отвлекаться от молитвы и послушаний.

Насельники обителей и общаются между собой и с прихожанами по-другому: кланяются, разговаривают терпеливо, ласково, с любовью друг к другу. Самое же главное - человек стремится к общению с Богом, в обителях постоянно совершаются богослужения, идет непрерывная молитва, о чем упоминается в обоих романах.

Безусловно, строгие монастырские порядки благотворно влияют на очищение, воспитание души и, в результате, взращивание добродетели. Не зря уже первые впечатления о таком необычном укладе жизни заставляют неверующего Вейденгаммера ощутить во всем *«мир иной»* и то, *«что все эти девушки и старухи выше меня и чище, глубже…»* [Там же, с. 111].

Многие из посетителей имеют весьма приблизительные представления о нем, а иногда даже, взирая через призму собственной испорченности, воспринимают монахов как людей, прикрывающих за высокими стенами свои пороки. Например, Федор Павлович Карамазов кричит: *«Нет, монах святой, ты будь-ка добродетелен в жизни, принеси пользу обществу, не заключаясь в монастыре на готовые хлеба…»* [Достоевский, 1987, с. 93]; Миусов негодует: *«веками лишь выработанная наружность, а в сущности шарлатанство и вздор!»* [Там же, с. 37]; Вейденгаммер поначалу думает примерно так же: *«…не отговорил ее от этой прикрытой благочестием кабалы…»* [Шмелев, 2007, с. 106].

Стремясь к объективности изображения монастырской жизни, Достоевский и Шмелев не обходят стороной и действительно некоторые негативные моменты поведения насельников. Так, Ф. М. Достоевский говорит о том, что существует неприятие старчества, так как находятся «ненавистники и завистники»; у И. С. Шмелева Даринька вспоминает о «потаенных» тетрадках с мирскими стихами. Впрочем, это не является определяющим для писателей. Их интересует, прежде всего, основная, положительная, сторона этого «иного» образа жизни, его духовная составляющая. Они пытаются раскрыть внутренний мир верующего человека.

Как пишет М. Махортова в статье «Уроки монастыря для светского воспитания», «идеал монашества - созидание в себе нового человека по образу Христа и, как последняя цель - обожение, то есть общение с Богом, обладание «миром и радостью» в Святом Духе», а «именно в удалении от мира возможно наибольшее приближение к идеалу» [Махортова, с. 1]. Таким образом, человек приходит в обитель с целью служить Богу и в тишине всю свою жизнь проводит работу над собой, чтобы, насколько это возможно, сделаться лучше и стать угодным Творцу. В романах Достоевского и Шмелева у главных героев мы видим такие стремления: *«хочу жить для бессмертия»* [Достоевский, 1987, с. 26] - решает Алеша в «Братьях Карамазовых», а Дарья Королева, хотя и верующая с детства, попадает в монастырь потому, что просто больше «не к кому идти». Тем не менее, побывавшие в тихом прибежище, исполнявшие правила, следившие за каждым движением своей души, эти герои становятся чище, опытнее, мудрее, а потому рассудительно оценивают жизнь и человеческие отношения.

Конечно, эти достоинства они приобретают не сами по себе, а с помощью наставников и духовников. Вручая себя старшему и более опытному монаху, прошедшему жизненные испытания и способному вести других, человек предоставляет ему право совершать духовное водительство над собой, и у своего учителя он ищет помощи в борьбе с различными искушениями. Отношения «духовный отец - духовное чадо» предполагают добровольное полное подчинение однажды избранному руководителю. Так, в романе «Братья Карамазовы» у Алеши духовным отцом является старец Зосима, которого молодой человек слушается беспрекословно, даже до того, что по его благословению оставляет желанный для него монашеский путь. Дарья в «Путях небесных» прикреплена келейницей к матушке Агнии, которая тоже дает ей советы. В монастыре еще есть духовник - священник, который принимает исповедь и также наблюдает за духовным развитием человека.

Другие старейшие насельники, уже прошедшие монастырскую школу, обладают мудростью, добротой, любовью к ближним. В романах их образы не прописаны полностью, зато авторы в нескольких словах дают характеристику, выявляющую самые основные их черты.

Так, на страницах «Братьев Карамазовых» нам встречаются отец Паисий, монах «ученый», рассудительный, с отеческой любовью относящийся к Алеше; отец Михаил, настоятель скита, *«духом твердый, нерушимо и просто верующий, с виду суровый, но проникновенный глубоким умилением в сердце своем…»* [Там же, с. 297]; старенький монах брат Анфим, *«молчаливый и тихий, ... между самыми смиренными смиреннейший…»* [Там же, с. 297]. В «Путях небесных» появляются матушка Агния, *«такая она была простая, ясная, ласковая, доверчивая»* [Шмелев, 2007, с. 112], *«человеческая овечка»* [Там же, с. 127]; мать Иустина, считавшаяся в монастыре *«полуюродивой, чуть ли не одержимой, но строгой по уставу…»* [Там же, с. 358]; матушка Аглаида, которую *«называли молитвенницей и светлосердой»* [Там же, с. 668] и другие.

Особое место в знаменитых монастырях XIX века занимают старцы. Такое уникальное установление, как старчество, было заимствовано у Востока и процвело в русских обителях. «Старец - это монах (священник или нет), исполненный Духа Святого и ставший для других наставником, водителем на пути к духовному совершенству… Его духовный навык, молитвенный образ жизни и самоотречение делают его старцем… Исполненный милости Божьей, он выслушивает… покаянные признания, призывает к христианскому совершенству и направляет на путь Божий» [История русской святости, 2001, с. 319-320]. Старцы выходили из той же монастырской среды. Эти подвижники «личным опытом» проходили «школу трезвения и умносердечной молитвы» [Концевич, 1995, с. 37], постепенно поднимались по ступеням духовного роста, достигали бесстрастия. Благодаря такому личному опыту старцы становились способными вести за собой других людей. *«Старец - это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю…»* [Достоевский, 1987, с. 27-28], как объясняет Ф. М. Достоевский читателям романа «Братья Карамазовы».

К старцам приходили не только сами монашествующие, но и многочисленные паломники, ожидавшие услышать добрый совет или наставление. Среди них встречались как люди простые, так и весьма высокого звания. Оба писателя изображают старцев светлыми, добрыми, радостными и любвеобильными, что располагает к ним сердца даже черствых людей. Достоевский пишет, что *«почти все, входившие в первый раз к старцу на уединенную бесед, входили в страхе и беспокойстве, а выходили от него почти всегда светлыми и радостными…»* [Там же, с. 29]. Миряне приходили к такому монаху как к тому, кто неравнодушен к их скорбям, кто может их понять, помочь разобраться в себе или найти выход из сложной ситуации. На страницах романов «Братья Карамазовы» и «Пути небесные» можно увидеть картины, когда старец, окруженный мирянами, беседует с ними: *«…старец прошел сначала прямо к народу. Толпа затеснилась к крылечку о трех ступеньках… Старец стал на верхней ступеньке, надел эпитрахиль и начал благословлять теснившихся к нему женщин»* [Там же, с. 47]; *«Еще утром стояла Даринька во дворике перед кельей отца Варнавы, в толпе народа, хотела подойти и благословиться…»* [Шмелев, 2007, с. 469].

Иногда главным героям романов Достоевского и Шмелева старцы помогают в выборе дальнейшего жизненного пути, в разрешении сложных вопросов, когда сами герои уже не в силах справиться. Так было в случае с благословением Алеши «на великое послушание в миру» [Достоевский, 1987, с. 80] или Дариньки «везти возок». Причем эти герои всецело полагаются на старцев как знающих волю Божию о них и поступают по их слову, даже если сами хотели бы сделать по-другому. Отец Паисий так рассуждает о назначении Алеши идти «в мир», то есть оставить монастырь: *«Только как же это определил он тебе пока быть срок в миру? Значит, предвидит нечто в судьбе твоей! Пойми, Алексей, что если и возвратишься в мир, то как бы на возложенное на тя послушание старцем твоим»* [Там же, с. 166]. Дарья размышляет: *«…как батюшка Варнава скажет… откроет ему душу, и он решит. И будет - как он решит»* [Шмелев, 2007, с. 467].

Соглашаясь с утверждением А. М. Любомудрова, что «весь художественный мир «Путей небесных» пронизан атмосферой монастырской жизни» [Любомудров, 2007, с. 22], можно отнести его и к «Братьям Карамазовым». Главные герои обоих романов говорят и действуют с оглядкой на монастырь, их образ жизни основывается на православных традициях. «В самые напряженные, искусительные моменты в жизни… спасительной вертикалью проступают очертания монастыря», - пишет А. М. Любомудров о «Путях небесных» [Там же].

На примерах отдельных персонажей Достоевский и Шмелев показывают, как вообще происходит общение между избравшими подвижнический путь и мирянами. И эти примеры восходят к идее взаимного влияния православных монастырей и русского народа, о чем говорит старец Зосима: *«Русский же монастырь искони был с народом. Если же народ в уединении, то и мы в уединении. Народ верит по-нашему…»* [Достоевский, 1987, с. 330].

Таким образом, в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Шмелева освещаются характерные черты русских обителей, показывается объективная картина монастырского бытия, которая высветляет духовные силы таких персонажей, как Алёша и Иван Карамазовы, Даринька и Виктор Вейденгаммер.

Список использованной литературы

1. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: роман в четырех частях с эпилогом: в 2 ч. М.: Сов. Россия, 1987. Ч. 1. 352 с.

2. История русской святости. Православный приход храма Казанской иконы Божией Матери в Ясенево. 2001. 544 с.

3. Концевич И. М. Оптина пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Издательский отдел Владимирской епархии, 1995.

4. Любомудров А. Опыт духовного романа // Шмелев И. С. Пути небесные. М.: Даръ, 2007. 848 с.

5. Махортова М. Уроки монастыря для светского воспитания [Электронный ресурс]. URL: http://www.voskres.ru/school/uroki.htm

6. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. Концерн «Возрождение», 1992. Т. 2. 2464 с.

7. Шмелев И. С. Пути небесные. М.: Даръ, 2007. 848 с.

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Нечаева Евгения Феликсовна
Московский педагогический государственный университет

Культурологи видят сегодня задачу культурологии в том, чтобы «построить “генетику” культуры, которая бы не только объясняла историко-культурный процесс в мировом и национальном масштабах, но могла бы прогнозировать этот процесс. Поставленная задача предполагает решение, по меньшей мере, следующих фундаментальных проблем:

- открытие «гена» и «генетического кода» культурных феноменов, т.е. базисных структур, которые ответственны за сохранение и передачу социального, человеческого опыта;
- изучение факторов, оказывающих расшатывающее, мутационное воздействие на «гены» культурно-исторических образований, перестраивающих их «код»;
- изучение последствий таких мутаций - это и есть реальная, раскрываемая теперь в своей сущности, история очеловечивания мира» [3, с. 13].

Такое понимание предмета и задач культурологических исследований требует вовлечения и научный оборот обширного, разностороннего материала из многих областей и сфер социального творчества (науки, политической деятельности, религии, искусства), но главным полем исследования в этой области знания должны стать образ мысли, жизни и деятельности этнических групп, народов как субъектов истории. В связи с этим первостепенное значение будут иметь лингвистические исследования, позволяющие выявить фундаментальные принципы того или иного языкового сознания. Как показывает обзор российских современных лингвистических исследований, отечественная наука сосредотачивает внимание именно на этом.

Язык, его грамматический строй, лексика и фразеология, представляет собой некий код, определяющий своей структурой особенности того или иного языкового сознания. Выявление через языковые структуры особенностей того или иного языкового сознания и четкое доказательство его закономерностей на основании подробного анализа всех лексико-грамматических и фразеологических тонкостей языка представляется нам одним из самых перспективных и нужных направлений современной науки о языке. Лингвист, не давая оценок, что хорошо, что плохо, констатирует и доказывает языковыми факторами наличие или отсутствие тех или иных черт национального характера в языке. Причем, иногда носителю языка труднее понять сущность своего языка, чем иностранному исследователю. Для этого необходим так называемый «выход из языкового сознания», отстраненность от родного языка. Поэтапный анализ ключевых структур, отражающих суть языкового сознания - огромная работа для носителей всех языков и на многие десятилетия. Однако, можно предположить, что в будущем эти данные могут быть суммированы, учитывая современные технологические возможности, и человечество сможет подойти к возможности выявления определенного языкового кода для каждого языка и каждого языкового сознания. Многим с детства знакомо древнее изречение: ты столько раз человек, сколько языков ты знаешь. Современная лингвистика вплотную подошла к возможности с научной точки зрения объяснить этот факт. Овладевая иностранным языком, человек постепенно меняется ментально, приобретает черты, характерные для другого языкового сознания.

На сегодняшний день в российских работах термин «языковое сознание» употребляется очень широко. Существует множество различных определений языкового сознания. Словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой дает следующее определение: языковое сознание - это «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах языка» [1, с. 18].

Т. Г. Ангелова трактует языковое сознание как «некоторое хранилище фоновых знаний в виде фреймов или психических схем [6, с. 10].

Е. Ф. Тарасов понимает языковое сознание как «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей [6, с. 3].

П. Я. Гальперин и О. Я. Кабанова дают следующее определение: «языковое сознание - это закрепленный в грамматических значениях специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящем на данном языке» [2, с. 111-112]. Мы разделяем точку зрения, что грамматический строй языка представляет собой основу языкового сознания носителя.